П. А. Кропоткин

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПРАВА

Изданіе Союза
Анархо-Синдикалистской Пропаганды

ПЕТРОГРАДЪ.
1917 г.

Цѣна 10 коп.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1455
30

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПРАВА

Буржуазная пресса ежедневно твердит нам на всѣ лады о значеніи политической свободы и „политическихъ правъ человѣка“: всеобщей подачи голосовъ, свободы выборовъ, свободы печати, союзовъ, собраній и т. д., и т. д.

— „Зачѣмъ возставать, зачѣмъ прибѣгать къ оружію, — говоритъ она, — когда у васъ есть всѣ эти права, а слѣдовательно, и возможность произвести всѣ необходимыя реформы!“ Оцѣнимъ же эти пресловутыя политическія права с **нашей** точки зрѣнія, т. е., с точки зрѣнія того класса, который ничего не имѣетъ, никѣмъ не управляетъ и у кого очень мало правъ и слишкомъ много обязанностей.

Мы не скажемъ, какъ это говорилось раньше, что политическія права не имѣютъ въ нашихъ глазахъ **никакой** цѣны. Мы прекрасно знаемъ, что со времен крѣпостного права и даже с прошлаго вѣка в этом отношеніи кое-что сдѣлано. Французскій рабочій уже не то существо, лишенное всякихъ человѣческихъ правъ, какимъ онъ былъ раньше, когда аристократія смотрѣла на него, какъ на рабочую скотину; внѣ своей мастерской, онъ считаетъ себя равнымъ всѣмъ остальнымъ гражданамъ. Французскаго крестьянина нельзя сѣчь на улицахъ, какъ это дѣлается еще в Россіи. Бурными революціями и пролитой кровью народъ завоевалъ себѣ нѣкоторыя личныя права, умалять значеніе которыхъ мы не хотимъ.

Но есть права и права, и надо умѣть ихъ различать; нѣкоторыя из нихъ имѣютъ реальное значеніе, другія же лишены его; кто смѣшиваетъ, только обманываетъ народъ. Есть права, какъ, напримѣръ, равенство передъ закономъ аристокра-

та и крестьянина, тѣлесная неприкосновенность каждаго гражданина и т. п., которыя достались народу послѣ упорной борьбы и настолько дороги ему, что малѣйшая попытка нарушить их вызовет возстаніе. И есть такія права, как всеобщая подача голосов, свобода печати и т. п., к которым народ был всегда равнодушен, так как он чувствует, что эти права, защищая буржуазію от самовластія правительства и аристократіи, служат орудіем в руках господствующих классов для порабощенія народа. Их даже нельзя назвать политическими правами, так как они не охраняют интересов народа; это только наш политическій язык — жаргон, выработанный правящими классами исключительно для своих нужд, — величает их этим громким именем.

——::——

В самом дѣлѣ, что такое политическое право, как не оружіе для защиты независимости и свободы тѣх, которые сами не могут внушить уваженія к этим своим правам? Каково его назначеніе, если оно не может дать свободы всѣм тѣм, которые должны ею обладать? Люди, подобные Гамбетта, Бисмарку и Гладстону, не нуждаются ни в свободѣ печати, ни в свободѣ собраній; они и так пишут все, что хотят, устраивают какія угодно собранія, исповѣдуют тѣ ученія, которыя им больше по вкусу; они и так, свободны. А если кому-нибудь и нужно дать эту свободу слова, печати и собраній, то только тѣм, которые сами не могут обезпечить себѣ этих прав и проводить в жизнь свои идеи, свои принципы. Таково происхожденіе всѣх политических прав.

Но в наше время даются-ли эти права тѣм, кто в них нуждается?

Конечно, нѣт. Всеобщее избирательное право может до нѣкоторой степени оградить буржуазію от злоупотребленій центральной власти, не заставляя ее прибѣгать к оружію. Оно может служить для умиротворенія соперников,

оспаривающих друг у друга власть и удержать их от кровопролитія. Но это право безсильно там, гдѣ надо низвергнуть или ограничить власть и уничтожить господство привиллегированных. Прекрасное орудіе для мирнаго разрѣшенія недоразумѣній между правителями, какую оно может принести пользу подданным?

Исторія отвѣчает нам на этот вопрос. — Пока буржуазія думала, что всеобщая подача голосов будет в руках народа оружіем для борьбы с привилегированными классами, она всѣми силами противилась ей. Когда же, в 1848 году, она поняла, что это право не только не грозит ея привилегіям, но даже не мѣшает ей властвовать над народом, она сразу ухватилась за него. Теперь буржуазія стала его ярой защитницей, так как она знает, что это лучшее средство, чтобы удержать в своих руках господство над массами.

——::——

То же самое относительно свободы печати. — Какой довод был самым убѣдительным в глазах буржуазіи в пользу свободы печати? — Ея безсиліе! Ея несостоятельность! „Когда-то“, — говорит Жирарден, — „сжигали колдунов, потому что имѣли глупость считать их всемогущими; теперь дѣлают ту же глупость относительно печати. Но печать так же безсильна, как средневѣковые колдуны. И потому — долой преслѣдованія печати!“ Вот, что говорил когда-то Жирарден. А какой аргумент выставляет теперь буржуазія в защиту свободы печати? — „Посмотрите“, — говорит она, — „на Англію, Швейцарію, Соединенные Штаты. Там полная свобода печати, а между тѣм нигдѣ так не развита эксплоатація, нигдѣ так властно не царит капитал. Пусть нарождаются вредныя теченія. Мы всегда сумѣем заглушить голос их органов, не прибѣгая даже к насилію. А если когда-нибудь, в момент возбужденія, революціонная пресса и станет опасной, мы всегда успѣем уничтожить ее под каким бы то ни было предлогом“.

На счет свободы собраній тѣ же разсужденія.

— „Дадим полную свободу собраній“, — говорит буржуазія; — „народ не смѣет коснуться наших привиллегій. Мы должны больше всего бояться тайных обществ, а публичныя собранія лучшее средство, чтобы положить им конец. Если же в момент сильнаго возбужденія публичныя собранія и стали бы опасными, мы всегда можем их воспретить, так как в наших руках правительственная власть“.

„Неприкосновенность жилищ? — Пожалуйста! записывайте ее в кодексы, прокричите повсюду!“ — говорят хитрые буржуа. — „Мы не имѣем ни малѣйшаго желанія, чтобы агенты полиціи тревожили нас у семейнаго очага. Но мы учредим тайную канцелярію, мы заселим страну агентами тайной полиціи, мы составим списки неблагонадежных и будем зорко слѣдить за ними. Когда же мы почуем, что опасность близка, плюнем на неприкосновенность, будем арестовывать людей в постелях, допрашивать их, обыскивать жилища. Не будем останавливаться ни перед чѣм и тѣх, кто посмѣет слишком громко заявлять свои требованія, упрячем в тюрьмы. Если же нас будут обвинять, скажем: „Что же дѣлать, господа! На войнѣ, как на войнѣ“!

„Неприкосновенность корреспонденціи? — Говорите всѣм, пишите, что корреспонденція неприкосновенна. Если начальник почтоваго отдѣленія в глухой деревнѣ из любопытства распечатает какое-нибудь письмо, лишите его тотчас же должности, кричите во всеуслышаніе: „Чудовище! преступник!“ Остерегайтесь, чтобы тѣ мелочи, которыя мы сообщаем друг другу в письмах, не были разглашены. Но если вы нападете на слѣд предумышленнаго заговора против наших привиллегій, — тогда нечего стѣсняться: будем вскрывать всѣ письма, учредим цѣлый штат спеціальных чиновников, а протестующим скажем, как это сдѣлал не-

давно при аплодисментах всего парламента один англійскій министр:

— „Да, господа, с глубоким отвращеніем вскрываем мы письма, но, что же дѣлать, вѣдь отечество (вѣрнѣе, аристократія и буржуазія) в опасности!“

——::——

Вот к чему сводится эта так называемая, политическая свобода.

Свобода печати, свообда собраній, неприкосновенность жилищ и всѣ остальныя права признаются только до тѣ. пор, пока народ не пользуется ими, как орудіем для борьбы с господствующими классами. Но как только он дерзнет посягнуть на привилегіи буржуазіи, всѣ эти права выкидываются за борт.

Это вполнѣ естественно. Неот'емлемы лишь тѣ права, которыя человѣк завоевал упорной борьбой и ради которых готов каждую минуту снова взяться за оружіе.

Сейчас не сѣкут на улицах Парижа, как это дѣлается в Одессѣ, лишь потому, что позволь себѣ это правительство, народ растерзает своих палачей. Аристократы не прокладывают себѣ пути ударами, щедро раздаваемыми лакеями, лишь потому, что лакеи самодура, позволившаго себѣ что-либо подобное, будут убиты на мѣстѣ. Извѣстное равенство существует сейчас на улицах и в общественных мѣстах между рабочим и хозяином, потому что, благодаря предыдущим революціям, чувство собственнаго достинства рабочаго не позволит ему снести обиды со стороны хозяина. Писанные же законы тут не причем.

——::——

В современном обществѣ, раздѣленном на рабов и хозяев, не может существовать настоящей свободы; о ней не может быть и рѣчи, пока будут эксплоататоры и эксплоатируемые, правители и подданные. Но из этого не слѣдует. что до того дня, когда анархическая революція уничтожит

всѣ соціальныя различія, мы согласны, чтоб печать была порабощена, как в Германіи, свобода собраній преслѣдуема, как в Россіи, неприкосновенность личности пренебрегалась, как в Турціи.

Какими-бы рабами капитала мы ни были, мы хотим печатать все, что найдем нужным, собираться и организоваться по своей волѣ и все это, главным образом, для того, чтоб, как можно скорѣе, свергнуть постыдное иго капитала.

Но пора понять, что не у конституціоннаго правительства мы должны просить помощи. Не в кодексѣ законов, который может быть уничтожен по первому капризу правителей, мы должны искать защиты своих естественных прав. Только, когда мы станем организованной силой, способной внушить уваженіе к своим требованіям, мы сумѣем постоять за свои права.

Захотим-ли мы свободы печати, свободы слова, собраній, союзов — мы не должны просить их у парламента, не должны ждать от сената, как милостыни, изданія соотвѣтствующаго закона. Станем организованной силой, способной показать зубы каждому, дерзнувшему посягнуть на наши права; **будем сильны,** и никто не посмѣет тогда запретить нам говорить, писать и собираться. В тот день, когда мы сумѣем вселить единодушіе в среду эксплоатируемых, в эту молчаливую, но грозную армію, об'единенную одним желаніем — пріобрѣсти и защищать свои права, никто не дерзнет оспаривать их у нас. Тогда и только тогда, мы **завоюем** себѣ эти права, которыя мы тщетно бы **просили** десятки лѣт у какого бы ни было конституціоннаго правительства; тогда они будут принадлежать нам вѣрнѣе, чѣм если бы их гарантировали писанные законы.

Прав не дают, их берут!

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ